НАШ НАРОД ПО ПРАВУ СТЯЖАЛ СЕБЕ СЛАВУ ГЕРОИЧЕСКОГО НАРОДА *(И. СТАЛИН).*

КОММУНИСТЫ

Народ познает руководителей и в дни счастья и особенно в дни горя. Широко, уверенно, смело строили свою жизнь дмитриевские крестьяне под руководством большевиков. Настала беда. Пришел немец. Осиротели деревни. Кто остался? Старики, солдатки, дети. Кто ободрит, кто научит, куда пойдешь? В сельсовет? Нет сельсовета. Сидит в пустой хате немецкий староста. В район? К кому? К немцам за розгами?

Но вот через месяц по Карпеевскому пробежал мальчишка:

— На собрание!—кричал он людям.

Какое собрание, если кругом немцы?

Вышла Анна Гусева и обмерла: первый секретарь райкома партии Михаил Плотников, как и прежде, запросто беседует с колхозниками. Не дошла, добежала, бросилась к нему на грудь:

— Максимыч! Радость-то какая. Опять ты с нами.

— А где же мне быть, Емельяновна? Из одной тарелки радость хлебали, вместе и горе разделим...

Нет, они не просто делили горе, не просто страдали и скрывались от немцев. Плотников привел в леса 40 коммунистов, и через неделю невооруженные, плохо одетые, неопытные в военном деле начали они действовать. Через год это был сильнейший полутысячный отряд воинов, который терроризировал немцев и заставил их загнать в леса полнокомплектную дивизию эсэсовцев.

Когда 31 августа на опушке леса отряд был окружен немцами; когда сбились в кучу и бойцы, и женщины с детьми, и старики, бежавшие от немцев; когда лавина врагов ринулась к опушке, потеснила группу нестойких бойцов, и, казалось, уж только смерть ждала весь отряд,—к кому тогда обратился командир Свирин? «Коммунисты —ни шагу назад! Победим или умрем»,— раздался его клич. И легли в первой цепи коммунисты, и два часа вели яростный бой, и спасли отряд—и женщин, и детей.

Но не просто группа храбрецов—коммунисты, партийная организация обосновалась в лесу. Они заражали народ бодростью. Запестрели листовками заборы в Черневке, Неварн, в Трояново, в Дмитриеве. Каждый день люди читали сводки. Как ни сильны немецкие заслоны, люди знали: агитатор пройдет сквозь них. Сперва все было кустарно—сводки написаны рукой, доклад товарища Сталина переписан в ученическую тетрадку. Потом в лесу застучала типография—появилась печатная газета.

Не только просвещали они деревню. Партийная организация попрежнему руководила всей ее жизнью. Решали: когда и где сеять, как убрать и как укрыть хлеб; что сделать для Красной Армии; как помочь многодетным солдаткам.

По директиве партийных организаций крестьяне осенью 1942 года сообща засеяли поле—к весне коммунисты обещали возвращение Красной Армии и колхозов. По директиве партии организовали супряги,—вспахали усадьбы солдаткам.

Все население Черневки, где каждая семья помогала партизанам, немцы угнали в Локоть, в тюрьму. Две недели стращали людей, трижды водили их на расстрел, добивались: выдайте подпольщиков. 58-летняя крестьянка Федосья Андреевна Мосина сказала палачу: «Ах ты, припадок тебя возьми, да как же я тебе, зверю, их выдам? Они с нами одной крови—большевики». Старуху били, пока она не потеряла сознание. Придя в себя, отплевываясь кровью, прибавила: «Я так и живу: своим—подчиняюсь, а вам —никогда».

Из Карпеевского поселка всех людей до единого посадили в дмитриевскую тюрьму. За 30 километров шла процессия женщин, стариков и детей. 16 дней их держали в казамате. На семнадцатый спросили: «Будете помогать коммунистам?» Толпа молчала. Людей избили и отправили домой. Домой? Дома не было. В поселке не только не осталось хат—не уцелели ни плетни, ни трубы. Люди еле нашли место, где было их жилье. Они пришли усталые и голодные, накопали картошек, сели к кострам. «Как жить? Хоть в петлю»,—сказала одна. «Зачем в петлю?—раздался за спиной у нее знакомый мужской голос.—Мы еще поживем, Маруся». Обернулись: коммунист Иван Степанович Банных, а с ним коммунисты-бойцы. Присели. Утешили. Потом помогли устроить погреба. Когда прощались, Мария Гусева сказала: «Коровок то нет, кто ж теперь раненым молока принесет». Затуманились глаза у Банных. Что за люди у нас!

Партизанские деревни не составляли до войны какое-то исключение. Это были даже не передовые деревни, колхозы в них отставали. Почему же именно здесь так могуче, так широко развилось партизанское движение? Почему таким массовым стал героизм этих, раньше ничем не выделявшихся, людей? Потому, что его пробудили и возглавили коммунисты. Разве не видели люди, как геройски дрались и как предпочли смерть бесчестью большевики Плотников, Сиухин, Кравцов, разве не знали они, как ходил в атаку Клишаев? Разве не видели, как трудно большевикам, и как стоически они переносят и голод, и тиф, и холод? Знали: прошел через фронт и, рискуя жизнью, 200 километров шел по тылам член областного комитета партии Павел Сентюрев. Пробирался ночами, мерз, голодал, но шел, чтобы притти к ним, к крестьянам, ободрить их большевистским словом, сплотить, научить, как бороться.

И чувствовали это люди, учились у большевиков убежденности в правоту дела, стойкости, мужеству.

Сейчас вам скажут в Дмитриеве: как на дрожжах растет колхоз им. Карла Маркса. Его поднимает та же сила большевистского влияния на людей, которая поднимала крестьян на бой во время оккупации.

Говорливая молодайка сообщает:

— Вон затейщик, Рябиков Афанасий Петрович. Коммунист он, с фронта вернулся раненый, председателем стал. Собрал нас в первый раз—сидим, как мухи сонные. Он нам про восстановление, про колхозную силу, а мы не верим. Уж больно разорены были. Кто думал, что поднимемся? Старик кричит: «Становление, становление, а чем? Пальцем? Трактора-то на войне. Лошадей немец побил. Вот война пошабашит, тогда будем становить...».

Так что вы думаете? Рябиков унялся? Как же! Говорит: «Я перед врагом не отступал, а тут у нас с вами мирное дело». Ночей не спал. В хату придет. Про семейные разные дела разговор начинает, а все в одну сторону гнет—работать, строить надо, жить веселей надо. И говорит, и говорит. То звеньевых позовет, то солдатских матерей, то дедов, то мальчишек. Ну, верите, в правлении пол не подметался неделями—все народ, все народ сидит. Поверили ему люди. И не токмо что ему, а себе после его разговоров, силам своим поверили. Развеселил село. Как собрание—что пчелы гудут. Он: «коровок нет, 100 гектар придется лопатой поднять. Одюжаем?». «Поднимем!»—кричат все. А домой придем, думаем: ой дуры, дуры, да как же их, сто гектаров-то копать, ежели тут над своими сотками по неделе маешься. И что же? 107 гектаров вскопали.

Как-то собрал—вот, говорит, вам план: хранилище, конюшню, свинарник, да еще 75 хат,—чтоб к осени все под крышей было. Тут старики не утерпели: «Да, Афанасий Петрович, ты что это, очумел? Плотников-то у нас—два». И как же? Все построили! Бабы, старики, ребятишки работали. Смотрите—вся деревня новая стоит.

Не одними речами взял, душевностью. Пелагея Акинина с тройкой ребятишек без хаты бедовала. Построил. Сам не отходил, пока в дом не вошла. Теперь она первая работница. Как хороший человек—он его к себе, и учит, и разговоры с ним ведет, и книжки дает. Подобрал! Анну Пьянкову, Дмитрия Хатюхина, Шуру Романову, Александру Хуланову—кого хошь может теперь оставить на неделю и дело будет итти, как при нем».

Вот он, большевик! Один он здесь такой?—убежденный, настойчивый, хлопотной? Нет. Поезжайте в Березу,—вам то же самое скажут о коммунистке Ефросинье Билибиной. Два года она партизанила. Второй год руководит селом, сделала его лучшим в районе. В Бреховке вам назовут Ивана Чернякова, умного, знающего сельское хозяйство коммуниста. Год прошел, а во всех колхозах он восстановил севообороты, выростил несколько ефремовок, отстроил семь школ, мельницу, кирпичный завод. Он уже видит завтрашний облик колхозов: разносторонне развитых, богатеющих. В Невари укажут на коммуниста Белькова. Невероятные трудности переборол он, но отстроил село. В колхозе всего 4 коровы, а он управился с работами.

Твердой, в боях испытанной рукой, ведут коммунисты район к возрождению. И тысячи людей, которых большевики не оставили в дни народной беды; тысячи людей, которые по примеру коммунистов стали бойцами, мстителями,—сейчас еще дружнее идут за коммунистами. А когда людей ведут вперед коммунисты, ведут так, как учит Сталин,—тогда любой тернистый путь увенчается успехом.

Г. РАДОВ.

Дмитриевский район.

ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА

В стволы «Авроры»
Вложены снаряды
У Зимнего—восстания волна.
В тот день
На площадях торцовых
Петрограда
Была судьба России решена.
Великий день
Алеет яркой славой
Сквозь тысячи страниц
В календаре.
Крепчайшая
Советская держава
Рождалась
В том победном Октябре.
Ни перед кем
Не встанет на колени,
Врагу не покорится никогда
Народ, чье знамя,
Чья вершина—Ленин,
В бессмертие идущий сквозь года.
Он светит нам
Алмазным чистым светом.
Никем вовек не будет побежден
Народ, живущий по его заветам,
Народ,
Зовущий Сталина вождем!
Два имени сияют маяками.
Таких имен
Нет больше на земле!
Октябрь поднял их гордо
Над веками,
Чтоб путь был виден
В буре и во мгле.
Напрасно немцев орды броневые
Пытались сбить нас
С этого пути,
Мы отходили
В глубину России,
Чтобы назад победу принести.
Враг злобно мучил
Нашу Украину.
Терзал казачку гордую—Кубань.
Он мнил себя
Единым господином,
Чиня расправу
И сбирая дань.
Нам было горько
Видеть нашу землю
Во власти оголтелого зверья,
Но знали мы:
Под игом иноземным
Не быть России после Октября!
Страшней, чем эта,
Не было годины,
Но празднично,
Как в мирные года,
Октябрьские
Мы чтили годовщины
В тревожных,
Затемненных городах.
Звучали твердо
Праздничные речи,
Нам ближе,
Нам виднее был тогда
Тот день,
Когда всю вражескую нечисть
С родной земли
Сметем мы навсегда.
И день настал!
Он, как в чудесной сказке,
Которая народу дорога,
Совпал с любимым
Праздником Октябрьским,
На радость нам,
На гибель всем врагам!
Мы немцев бьем в Германии,
Все ближе
Берлин и окончательный салют.
В Белграде,
В Бухаресте и в Париже
Нас вестниками радости зовут!
Нас не сломили
Горести и беды,
Привыкли мы
К лишеньям и боям,
И солнце долгожданное победы
По-летнему сегодня светит нам.

Николай КОРНЕЕВ.

Отважные разведчики-минеры братья-близнецы Анатолий и Михаил Кретовы. Они участники прорыва Ленинградской блокады, форсирования Днепра, взятия Киева, боев по разгрому Корсунь-Шевченковской группировки и, наконец, боев за освобождение Польши от немецких оккупантов. Каждый из них награжден тремя орденами Советского Союза.

На снимке: младшие сержанты Анатолий (слева) и Михаил Кретовы. До войны они жили и работали в селе Соколье, Тимского района, Курской области.

Фото Б. Пушкина.

БРАТСТВО

31 октября с. г. в Курске, в доме 29 по Тускарной улице, произошел этот случай.

Вечером в доме собрались женщины со всей улицы. Многие были с детьми. Они пришли на собрание по поводу 27-й годовщины Октябрьской революции.

При свете керосиновой лампы агитатор прочитал вслух статью из журнала, в которой рассказывалось о победах Красной Армии.

Когда агитатор закончил чтение, старая женщина, сидевшая впереди, сказала:

— Значит, скоро... Скоро победа...

И заплакала. Заплакали и другие женщины и тоже повторяли это слово — «скоро, скоро, значит, о скорее бы, господи».

В президиуме поднялась белокурая женщина и об'явила:

— Сейчас, товарищи, будут розданы подарки семьям фронтовиков.

Она прошла в соседнюю комнату, служащую хозяину кухней, и вынесла небольшой сверток. Потом женщина посмотрела в листок бумаги и сказала:

— Слава Иванов!

Маленький курносый мальчик в серенькой застиранной рубашке вскочил со стула.

— Дорогой Слава,—сказала та,—получи подарок от жителей Тускарной улицы.

Она развернула сверток и передала малышу брюки. Брюки были темного цвета, утюг провел по ним ровные складки. Мальчик смотрел на подарок зачарованным взглядом.

— Никишаева Ульяна Степановна!—выкликнула распорядительница.

С места привстала старушка.

— Вам, Ульяна Степановна, уважаемой всеми матери фронтовиков, разрешите вручить туфли.

— Дай бог и вам доброго здоровья! — растроганная старушка поклонилась в пояс собранию. — Спасибо, что не забыли...

15 фамилий назвала распорядительница. Кое-кого на собрании не оказалось. Подарки им решили отнести на дом.

Кто-то из присутствующих, посторонний человек, обратил внимание на то, что на изделиях, которые раздавались, нет фабричного клейма. «Где изготовлено все это?»

— Сами... Своими то-есть руками...—ответила женщина, повязанная в белый полушалок.

— Это наша швея—Анна Евграфовна Балыкина,—представила женщину распорядительница.—Она да еще Прасковья Степановна Антимонова готовили подарки.

— Ну, а материал... Материал-то откуда же?—допытывался посторонний.

— Опять-таки сами... Собрали по улице... одежду старую, обувь...—об'яснила Балыкина.—А шили ночами. Днем некогда—на армию работаем. Ну, да и это ведь на армию. Солдатским детям... Матерям... На одной ведь улице живем... Одним живем...

Женщина замолчала, стояла в комнате тишина, согласная тишина людей, охваченных одним переживанием...

В наши дни, при нашем общем участии свершаются события одно значительней другого. И в ряд с этими великими событиями можно с полным основанием поставить обыкновенный случай, который произошел на Тускарной улице.

Мы называем этот случай обыкновенным, так как проявления дружбы и братства советских людей встречаются в военное время буквально на каждом шагу—в городе и в деревне. Будучи собраны воедино, они составят Евангелие нового мира. Они, эти факты, свидетельствуют о моральном величии советского народа, проявляющего в жестокую пору войны высокое благородство и самоотверженность своей натуры.

Есть у Льва Толстого рассказ «Люцерн». Содержание рассказа кратко выражено автором в таких строчках: «Седьмого июля 1857 года в Люцерне перед отелем Швейцергофером, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий-певец в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушало его. Певец три раза просил всех дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним». «Вот событие,—заключает Толстой, — которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами. Это событие значительнее, серьезнее и имеет глубочайший смысл, чем факты, записываемые в газетах и историях».

Факт, рассказанный Толстым, и случай на Тускарной улице противоположны по содержанию, но имеют то общее, что вскрывают смысл человеческих отношений в двух противостоящих друг другу лагерях. Не трудно установить моральное родство сытых господ, отказавших в милостыне нищему-певцу, с нынешними врагами человечества. Не трудно понять, что палачи Майданека—естественное порождение строя, основанного на бесчеловечном отношении к людям, на попрании человеческой личности и свободы. И столь же понятно, что ни в какой другой стране невозможны дружба и товарищество людей в том всеоб'емлющем виде, в каком они есть у нас—в социалистическом государстве.

Война взвалила на плечи женщин с Тускарной улицы тягость, какой еще не испытывали их слабые плечи. Женщины жили в оккупированном немцами городе—голодном, замордованном Курске. Они пережили тревожное лето прошлого года, когда сотни вражеских бомбардировщиков пытались стереть город с лица земли. Есть отчего очерстветь и ожесточиться сердцу! Но смотрите, каким ясным и спокойным светом светит оно—сердце советского человека. Женщина, обремененная личными заботами, ночи просиживает за швейной машинкой, чтобы сшить рубашку мальчику, отец которого на фронте. Спросите ее: во имя чего она делает это? Она, пожалуй, не сразу ответит вам: ведь так поступает большинство, ведь то, что она делает, само собой разумеется. Она действует так, как повелительно диктуют ей человеческие отношения нового, советского строя.

Победа наша неотвратима, и братство советских людей явится прочной ее основой. Дыхание победы доносится с полей великих битв, его можно было ощутить в октябрьский вечер в скромном домике на Тускарной улице.

В. ВОЛЖСКИЙ.

БОГАТАЯ МАТЬ

Ленинградский фронт. Густой туман молочной пеленой окутал лес. Сметая все на своем пути, сквозь чащу идут советские танки. Хлопья белого инея осыпают бронированное тело машины. Короткая жаркая схватка у опушки. И три танка с надписью «За родину», «За Сталина!» первыми врываются в освобожденное село.

Крышка люка передней машины поднялась, показалось молодое лицо танкиста. Это был Иван Лобынцев.

Впереди Киев. Пулемет, боец, трава и земляной холмик слились в одно целое. Твердая рука лежит на рычаге пулемета. Привычный взгляд спокойно следит за движением вражеских солдат. Вот они совсем уж близко. И тогда снайпер-пулеметчик Андрей Лобынцев, нажав на рычаг, обрушил на голову врага густой свинцовый дождь.

Румынская степь. Над ней еще стоит запах боя. Гарью, порохом и дымом пропитаны гимнастерка, руки, лицо. Не успеют остынуть дула ружей, как снова начнется бой. А пока можно успеть написать домой. На коленях — клочок бумаги: «...живу по-фронтовому, изменений особенных нет. Дела на фронте идут успешно. Ваш сын Пантелей Лобынцев».

Вот она, вражеская земля. Описав дугу над территорией врага, советские бомбардировщики сбросили все до единой бомбы в цель. Задание командования выполнено успешно. Среди славных советских летчиков, возвращающихся на свой аэродром, Дмитрий Лобынцев.

Полевой госпиталь под Барановичами. Над раненым бойцом склонилась белокурая девушка. «Осталось немножко потерпеть, товарищ, — успокаивает Поля Лобынцева, накладывая бинт на горячую рану.—У меня тоже воюют шесть братьев—и ты мне словно брат».

В своем дневнике Михаил Лобынцев торопливо записал:

«Белорусский фронт. Апрель 1944 года. Только что отбили атаку немецких танков. С десяток их грудой металла валяются на отобранной у врага территории. Наши танки идут все дальше на запад. Торжествуй, Советская Белорусь!»

Земля гудит и стонет. Высоким черным столбом взлетают вверх обломки повозок, снаряжение. Огонь артиллерийского подразделения майора Николая Лобынцева всюду настигает вражеские войска, сокрушает его оборонительные рубежи, расчищая путь советской пехоте.

***

Все 7 бойцов—дети одной матери. Она воспитала их для родины честными, бесстрашными, самоотверженными.

«Прогонная, 5—Марии Дмитриевне Лобынцевой»,—быстро взглянув на зеленый конверт, прочитала молоденькая письмоноска, взбегая на крыльцо опрятного желтого домика. Она позвонила и в доме сейчас же хлопнула дверь. Очевидно, звонка ждали с нетерпением. Дверь открыла сама Мария Дмитриевна, плотная, ещё не старая женщина.

— Сегодня вам одно, — улыбнулась почтальонша.

— Ты же знаешь, Любушка, что одного мне мало. Все семеро у меня воюют, девушка!

— Ну, шесть завтра донесу, я ваш частый гость, — засмеялась та.

— От которого же? — тревожно думала мать, разворачивая зеленый «уголок». «Полевая почта...», — прочитала она,—от Пантюши. Из письма на стол выпала карточка:—А вот и сам мой герой налицо. На мать, чуть прищурившись, смотрел капитан-танкист с пухлым, еще ребячьим ртом. В письме Пантюша, как всегда, ободрял, беспокоился о здоровьи матери, сулил свиданье.

Мария Дмитриевна достала из комода заветный семейный альбом и присела к столу. Вложив в альбом карточку сына, она остановила взгляд на Поле. Дочь ушла на фронт медсестрой, ушла добровольно в первые же дни войны: «Еду в командировку», целуя мать, сказала она. Но не добавила, что в эту командировку ее послала совесть, отправило смелое, мужественное сердце. Командировка затянулась на три года.

С фотокарточки смотрело хорошее русское лицо: гладко зачесанные мягкие волосы обрамляли чистый девичий лоб, застенчивая улыбка лежала на нежно очерченном рте. Мать задумалась. Вот здесь, в этом домике родились и выросли почти все ее тринадцать детей. Вот за этим большим столом собиралась вся семья по выходным дням. Здесь по вечерам раскладывали свои чертежи Андрей и Миша, а вот здесь у окна любил посидеть с газетой широкоплечий, голубоглазый Ваня.

Вспомнив о нем, мать светло улыбнулась. Ее Иван—гордость семьи. Он капитан-танкист, трижды награжденный за смелость и отвагу. А кажется, давно ли она пеленала его вот здесь, на сундуке возле печки. Он рос шустрым и непоседливым мальчиком, с ним, пожалуй, возни было больше, чем с другими детьми. Мать вспомнила свою первую разлуку с сыном. Вспомнила, как провожала его в танковую школу.

Дети ушли, но память сохранила о них тысячу милых, трогательных мелочей, тысячу дорогих подробностей их детства. Воспоминания согревают материнское сердце, словно задерживают тепло покинутого детьми остывающего гнезда. Взгляд матери упал на портрет Николая.

— Этот, самый старший сын — Николай, майор-артиллерист, награжденный орденом Ленина.

Нет сил оторваться от милого альбома. Ведь в нем лежит вся ее большая, нужная жизнь, вся ее любовь и нежность, здесь все ее трудно нажитое богатство—дети. Сколько труда, сколько несчитанных, бессонных ночей отдала им эта спокойная, всегда ровная женщина с ясным, русским лицом! Какой мерой можно измерить глубину ее чудесной самоотверженной материнской любви? Вывести детей в люди, дать всем образование было не так-то просто. Муж Марии Дмитриевны Яков Никитович всю жизнь работал старшим осмотрщиком на железной дороге, его доходы были не богатые какие. Без ее помощи детей было поднять трудно. Умело и даже мудро вела Мария Дмитриевна свое не легкое хозяйство. Ей невольно вспомнились ее субботы. Она видела себя в роли воинственного полководца. В корыте дымится горячая вода, с руки падают куски мыльной пены...

— И как я только справлялась?—удивляется она. — Всех надо было перемыть, перекупать, а когда дети уснут — перестирать, перекипятить и перегладить все их белье, да еще и перечинить же все было надо.

Наступало утро... Таню, Мишу, Нюру, Полю, Марусю и Мариночку отправляла в школу. Митю, Андрюшу—в техникум, отца, Ваню и Колю на работу.

— Мамочка, здравствуй, я пришла, — услышала она знакомый девичий голос. На пороге стояла румяная девушка-подросток Марина, последушек, как звали ее в семье. Она, белорозовая и златокудрая, очень напоминала Снегурочку из русской сказки.

— Ты уже из школы, а я тут замечталась и на часы не взглянула, — засуетилась мать.

***

Дети росли здоровыми, крепкими и очень спокойными. Никто из мальчиков не собирался бежать в американские прерии, никто из девушек не умирал от невозможной любви. Но, когда пробил страшный час, когда ударил набат, когда враг напал на нашу землю, дети Марии Дмитриевны Лобынцевой пошли туда, где они были нужнее всего. Они пошли в огонь боев и проявили подлинный героизм настоящих советских людей, любящих свою родину так же, как свою мать.

1944 год был для Марии Дмитриевны годом больших тяжелых испытаний. Три страшных письма получила она одно за другим—три извещения о смерти любимых сыновей. Не сломило горе сильную натуру русской матери, давшей родине 13 крепких духом и телом людей.

Не легко переносит она свою потерю. «Не просыхают у меня глаза—из тринадцати осталось теперь десять детей. И эти десять не дрогнут перед врагом, не струсят, уж я то их знаю», — говорит эта богатая душой русская мать—мать-героиня.

М. ЛОМАКОВА.
Л. ШЕЛЕСТ.

Добро пожаловать, победитель!

НА ФРОНТ ЗЕМЛЯКУ

Наша встреча не за горами. Ты с победой вернешься в родное село. И мы встретим тебя и скажем тебе: добро пожаловать, победитель!

Ты приготовился увидеть в родном селе то, что видел во многих с боями пройденных фронтовых селах: закопченные сиротливые трубы на черных холмиках пожарищ?

Ты удивляешься: те же улицы, тот же порядок хат. Будто война обошла село окольными дорогами.

Нет, она шла по нашим улицам. Собственно, улиц тогда совсем не было. Вот ты идешь по Большаку. Горький дым стлался тогда над землей

С тех пор прошел только год. И вот ты вошел в новую хату твоей семьи. Оглянись кругом, на свой Большак. Ты видишь столько же хат, сколько было и раньше, когда ты уходил отсюда, и на тех же самых местах. А здесь не было ни одной хаты, ни одной... Загляни в Подрощу, в Писаревку, на все хутора твоего колхоза. Видишь—и здесь новые дома. Сто сорок домов было разрушено, сгорело в твоем колхозе. 135 новых домов стоят сейчас на улицах Большака, Подрощи, Писаревки. Достраиваются последние дома. А минул только год.

Чудо? Да, чудо. А сделала его твоя жена, наши жены и старики—наши отцы. Крепче обними свою жену, друг, гордись ею.

Ты понимаешь, друг, было очень трудно. Нужно было пахать, а коровы не тянули плугов по забурьяневшей земле. В колхозе было мало плугов и мало корма для коров. Тогда женщины вышли в поле с лопатами. Пойми и оцени: в этом году женщины твоего колхоза вскопали лопатами без малого двести гектаров земли. Они копали землю, пахали на коровах, сеяли, пололи, косили.

Откуда они взяли силы? А помнишь ты раненый вставал и снова шел с товарищами в бой? Ты понимал: чтобы разможжить голову гадине, ползшей по нашей земле, чтобы спасти жизнь, свободу нашим семьям,—скорее в строй, теснее плечо к плечу, пусть крепче будет кулак —в этом сила, в этом спасение. В этом была и их сила, их спасение —наших женщин, и они это поняли. Они, об'единившись в труде, слили жажду жизни и счастья для детей с любовью к нам, с кипящей ненавистью к врагу, с верой в возврат прежней, нашей советской привольной жизни на земле,—слили все это воедино. Так возник чудесный источник силы, как в сказках, прочитанных в детстве, — помнишь? — живая вода из простых людей делала богатырей.

Крепче обними свою подругу, боец: она воевала вместе с тобой и силой своей любви к тебе ускорила твою победу и возвращение домой. И не только это,—она сделала все, чтобы с твоим приходом жизнь расцвела ярче прежнего.

Ты знаешь мирную славу нашего колхоза—славу передового хозяйства, наших урожаев, наших людей. Ее создавали тогда и мы с тобой. Мы пришли тогда к славе широкой мирной дорогой. И это было, по совести говоря, в то время не так уж трудно. Эта колхозная слава вновь рождена в горячем труде на пепелищах. А это потруднее во много раз.

Ты вместе со всеми радовался растущим урожаям колхоза, гордился нашей колхозной коноплей. Помнишь гордое имя—тонница? Правда, это имя звучит, как на фронте—снайпер? Его носило тогда только одно звено в колхозе—звено Елены Машошиной. Слушай: нынче без малого тонну высокоценных семян конопли с каждого гектара собрал весь колхоз. Он в числе первых в районе справился с работами, дал государству, фронту около двух тысяч пудов хлеба

Ты хочешь увидеть лучших людей колхоза, создавших ему славу в суровое военное время. Звеньевые Елена Машошина и Александра Хохлова расскажут, как они, помогая тебе в наступлении, собрали на своих участках лучший в районе, невиданный в мирное время урожай—13—14 центнеров семян конопли с гектара; Ксения Дородных—как она вырастила на каждом гектаре 142 пуда ячменя. Ты крепко пожмешь руку Екатерине Николаевне Дородных,—она с тремя детьми перешла на квартиру, а свою хату отдала, чтобы спасти от болезни возрождающееся колхозное стадо. Тебя обнимет твой 73-летний соратник—Петр Михайлович Пешков, который требовал: «Красной Армии хлеб надо давать без счета, он идет на самое нужное, святое дело, а мы стеснимся, проживем». Увидишь самого молодого своего помощника—16-летнего Петю Ломакина, что не спал ночами, чтобы скорее вывезти хлеб для фронта. Их много. Это, боец,—наша боевая гвардия.

Ты теперь видел и понял все. А прошел только год с тех пор, как здесь были угли пожарищ. Ты понимаешь, почему мы писали тебе на фронт: не бойся за семью, крепче бей врага? А твой колхоз не один—вся колхозная земля поддерживала тебя в боях. Ты видишь, какая правда, какая сила в словах: наша страна выйдет из войны не слабее, а могучее прежнего.

А теперь поднимем стаканы, земляк! Слава тебе, завоевавшему победу! Слава им—нашим геройским женщинам, отцам, сыновьям — слава всему могучему, непобедимому советскому народу! Слава тому, кто сделал нас крепкими, несокрушимыми, чье имя носит наш колхоз,—слава великому Сталину!

Ф. ИВИН.

Колхоз «Сталинский клич», Поныровского района.